

В.В. Кондрашин*

**ПОЛИТИКА «ЛИЦОМ К ДЕРЕВНЕ»:
БЫЛ ЛИ ПОТЕНЦИАЛ У НЭПА
В АГРАРНОМ СЕКТОРЕ ЭКОНОМИКИ СТРАНЫ?***doi:10.31518/2618-9100-2022-4-7
УДК 94:338(47)"1924/1929"*Выходные данные для цитирования:
Кондрашин В.В. Политика «лицом к деревне»: был ли потенциал у нэпа в аграрном секторе экономики страны? // Исторический курьер. 2022. № 4 (24). С. 80–92. URL: <http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-4-07.pdf>*

V.V. Kondrashin*

**POLITICS "FACING THE VILLAGE":
DID THE NEP HAVE POTENTIAL IN THE AGRARIAN
SECTOR OF THE COUNTRY'S ECONOMY?***

doi:10.31518/2618-9100-2022-4-7

*How to cite:
Kondrashin V.V. Politics "Facing the Village": Did the NEP Have Potential in the Agrarian Sector of the Country's Economy? // Historical Courier, 2022, No. 4 (24), pp. 80–92. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-4-07.pdf>]*

Abstract. Based on the analysis of the policy "Facing the Village", the article examines the problem of the potential of the NEP. It is concluded that it exists in the form of further state support for peasant farms, subject to the abandonment of emergency methods of grain procurement and a decrease in the pace of industrialization. This policy turned out to be effective as a means of restoring and developing the country's agriculture on the basis of individual peasant farms. The NEP peasant economy could continue to exist and develop, increasing the volume of agricultural production. But its low marketability, which limited the scale of grain exports when the pre-revolutionary level of gross grain harvests was restored, the unwillingness of the peasants to sell bread under unfavorable conditions for them, created problems for the accelerated industrialization of the country, proclaimed by the Soviet government. In addition, politically, the further "revival of the soviets" in the countryside threatened the monopoly on power of the Communist Party. And the NEP was broken by the authorities as soon as the danger arose in the form of peasant opposition to the slowdown in the industrialization of the country during the grain procurement campaigns of 1927–1929.

Keywords: NEP, "Facing the Village" policy, "revival of the soviets", peasant economy, grain procurements.

The article has been received by the editor on 15.04.2022. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В статье на основе анализа политики «лицом к деревне» рассматривается проблема потенциала нэпа. Делается вывод о его наличии в форме дальнейшей государственной поддержки крестьянских хозяйств при условии отказа от чрезвычайных методов хлебозаготовок и снижения темпов индустриализации. Данная политика оказалась эффективной как средство восстановления и развития сельского хозяйства страны на основе индивидуальных крестьянских хозяйств. Нэповская крестьянская экономика могла

* **Виктор Викторович Кондрашин**, доктор исторических наук, профессор, Институт российской истории Российской академии наук, Москва, Россия, e-mail: vikont37@yandex.ru

Viktor Viktorovich Kondrashin, Doctor of Historical Sciences, Professor, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, e-mail: vikont37@yandex.ru

** Статья подготовлена в рамках апробации главы 13 тома «Истории России» Института российской истории Российской академии наук.

The article was prepared as part of the approbation of chapter 13 of volume "History of Russia" of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences.

и дальше существовать и развиваться, наращивая объемы сельскохозяйственного производства. Но ее низкая товарность, ограничивающая масштабы хлебного экспорта при восстановлении дореволюционного уровня валовых сборов зерновых хлебов, нежелание крестьян продавать хлеб по невыгодным для них условиям создавали проблемы для ускоренной индустриализации страны, провозглашенной советской властью. Кроме того, в политическом отношении дальнейшее «оживление советов» в деревне ставило под угрозу монополию на власть Коммунистической партии. И нэп был сломан властью, как только возникла опасность в виде крестьянского противодействия, торможения взятых темпов индустриализации страны в ходе хлебозаготовительных кампаний 1927–1929 гг.

Ключевые слова: нэп, политика «лицом к деревне», «оживление советов», крестьянское хозяйство, хлебозаготовки.

Статья поступила в редакцию 15.04.2022

Актуальной и дискуссионной проблемой в современной историографии остается вопрос о потенциале нэпа¹. В настоящей статье предпринимается попытка рассмотреть его на основе анализа содержания и результатов политики «лицом к деревне», проводившейся в советской деревне в 1925–1926 гг. Как известно, автором крылатого выражения «лицом к деревне» был председатель Петроградского совета и исполкома Коминтерна, член Политбюро ЦК ВКП(б) Г.Е. Зиновьев, впервые употребивший его в своей статье в «Правде» от 30 июня 1924 г.² В историографии главными причинами изменения аграрной политики советской власти в 1925 г. исследователи обоснованно называют «глубоко враждебное отношение к власти» крестьянства, проявившееся в открытых «антисоветских выступлениях» (Грузинское восстание) – с одной стороны, и «понимание партийным руководством неустойчивости своих позиций в деревне» – с другой: «государственные верхи были обеспокоены не столько за судьбу деревни, сколько за свою судьбу»³.

Данное заключение подтверждается и оценкой ситуации в стране во второй половине 1924 г. И.В. Сталиным. 22 октября 1924 г., выступая на совещании секретарей деревенских ячеек при ЦК РКП(б), он заявлял: «То, что произошло в Грузии, может повториться по всей России, если мы не изменим в корне самого подхода к крестьянству, если не создадим атмосферы полного доверия между партией и беспартийными, если не будем прислушиваться к голосу беспартийных, наконец, если не оживим Советов для того, чтобы дать выход политической активности трудовых масс крестьянства»⁴. О том, что при нэпе «новый Тамбов, или новый Кронштадт вовсе не исключены», а «закавказское, грузинское восстание» явилось для большевиков «большим предостережением» возможности новых таких восстаний, если они не научатся преодолевать и вскрывать существующие язвы и «будут создавать видимость внешнего благополучия», И.В. Сталин повторил в своей речи на заседаниях Оргбюро ЦК РКП(б) 20 и 26 января 1925 г.⁵ Говоря о задачах партии, он подчеркнул, что в сложившихся условиях «на первый план нашей работы мы выдвигаем теперь вопрос о крестьянстве», «наш курс есть новый курс, серьезный и безусловно отмечающий новую линию нашей политики в отношении всех трудящихся слоев деревни в деле постройки социализма», «одно из двух»:

¹ Круглый стол «НЭП – итоги и перспективы изучения» // Гуманитарные науки в Сибири. 2021. № 4. С. 5–17.

² Правда. 1924. 30 июня.

³ Венер М. Лицом к деревне: советская власть и крестьянский вопрос (1924–1925 гг.) // Отечественная история. 1993. № 5. С. 87–88; Шишкин В.А. Власть. Политика. Экономика. Послереволюционная Россия. СПб., 1997; Ильиных В.А. «Лицом к деревне». Аграрная политика советского государства в середине 1920-х годов // Российские экономические реформы в региональном измерении: сб. мат-лов Всерос. науч. конф., посвящ. столетию начала НЭПа. Новосибирск, 2021. С. 275–282.

⁴ Сталин И.В. Об очередных задачах партии в деревне. Недостатки докладов с мест. Речь на совещании секретарей деревенских ячеек при ЦК РКП(б) 22 октября 1924 г. // Сочинения. Т. 6. М., 1947. С. 308–309.

⁵ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 84. Д. 866.

«либо мы вместе с беспартийным крестьянством, вместе с нашими советскими и партийными работниками на местах будем сами себя критиковать для того, чтобы улучшать дело, либо недовольство крестьян будет накапливаться и прорвется в виде восстаний» и «это будет критика оружием»⁶.

В рамках нового курса аграрной политики необходимо было решать проблемы завышенных цен на промтовары при крайне низких ценах на сельхозпродукты, высокого уровня налогообложения, методов принуждения, господствовавших в практике работы партийного и советского аппаратов в деревне, широкого распространения различных форм административных наказаний: арестов, штрафов и пр. Только в таком случае было возможно изменить отношение крестьян к советской власти, преодолеть возникший «кризис нэпа», побудить крестьян к более эффективному труду в своих хозяйствах.

Поворот партии «лицом к деревне» утвердил проходивший 25–27 октября 1924 г. пленум ЦК РКП(б). Его решения были подготовлены созданным в сентябре 1924 г. постоянным совещанием по работе в деревне при ЦК РКП(б) в составе А.А. Андреева, М.И. Калинина, Н.К. Крупской, В.М. Молотова (председатель), И.В. Сталина и др.⁷ Пленум осудил административный произвол в деревне. Выступая на эту тему на пленуме, Н.И. Бухарин говорил: «Методами администрирования, которые вполне оправдали себя во время военного коммунизма, мы сейчас деревню держать не можем. И чем скорее мы поймем, тем лучше»⁸.

Идеологическим оформлением нового курса стало так называемое «дымовское дело» – убийство в с. Дымовке Николаевского округа Одесской губернии летом 1924 г. селькора Г. Малиновского. Обычный бытовой конфликт был искусственно возведен корреспондентом «Правды» Л.С. Сосновским до политического уровня: селькора убила «шайка, выдававшая себя за коммунистов», связанная с кулаками, отомстившая ему за разоблачения их махинаций⁹. Позицию Л.С. Сосновского поддержали ЦК РКП(б) и лично И.В. Сталин, получившие хороший повод для перетряски состава низовых сельских советов, оторвавшихся от крестьян, скатившихся на голое администрирование, неспособных успешно проводить в деревне линию партии.

Как отметил в своем выступлении на заседании Оргбюро ЦК РКП(б) в январе 1925 г. В.М. Молотов, Дымовка заставила «обратить внимание на весь советский аппарат, на его состояние»¹⁰. И.В. Сталин на том же заседании поддержал его и подчеркнул, что дело не в том, «что селькор убит», а в том, «чтобы поставить на рельсы дело улучшения нашей строительной социалистической работы в деревне»¹¹. В результате «дымовское дело» стало обоснованием и подтверждением своевременности курса партии на «оживление советов».

Экономическая составляющая курса партии «лицом к деревне» была изложена в принятой на апрельском (1925 г.) пленуме ЦК РКП(б) резолюции «Очередные задачи экономической политики партии в связи с хозяйственными нуждами деревни», в решениях XIV конференции ВКП(б) (апрель 1925 г.) и III Всесоюзного съезда Советов (май 1925 г.). В качестве основной экономической задачи партии и советской власти в деревне объявлялось «содействие развитию производительных сил», «дальнейшему росту сельского хозяйства всей крестьянской массы» на основе «дальнейшего развертывания товарного оборота страны», признавалась нецелесообразность применения каких-либо административных мер против «вырастающей на почве свободной торговли буржуазной (кулацкой) верхушки деревни», планировалось увеличение государственных расходов на сельское хозяйство¹². Эти меры, как

⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 866.

⁷ История советского крестьянства. Т. 1. Крестьянство в первое десятилетие Советской власти. 1917–1927. М., 1986. С. 305.

⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 154. Л. 59.

⁹ Там же. Л. 16 об.; Капустян А.Т. «Дымовское дело»: мнимое и реальное // Вопросы истории. 1990. № 7. С. 186–188.

¹⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 866. Л. 14.

¹¹ Там же. Л. 16 об.

¹² Четырнадцатая конференция Российской Коммунистической партии (большевиков): стенографический отчет. М.; Л., 1925. С. 254; КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 9-е. М., 1984. Т. 3. С. 268, 340–349; Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., 1967. Т. 1. С. 473.

справедливо отмечали исследователи, свидетельствовали о формировании в 1925 г. новой концепции развития деревни, предусматривающей «либерализацию отношений партийно-государственного руководства к зажиточному мужичку»¹³.

В апреле 1925 г. суть нового подхода партии к крестьянству выразил в одной фразе Н.И. Бухарин: «Обогащайтесь!». Это был призыв ко всему крестьянству, а не к кулаку, как он был понят политическими оппонентами Бухарина. И середнякам, и беднякам следовало поднимать свое хозяйство на более высокий производственный уровень, а кулацкие хозяйства должны были развиваться, не нарушая советского законодательства¹⁴.

Для стимулирования хлебозаготовок и сглаживания «ножниц цен» в 1925 г. были повышены государственные закупочные цены на зерновые продукты. К началу сбора урожая цены на рожь и овес выросли в 2,2 раза, на пшеницу – в 1,8 раза, на ячмень – почти в 2 раза. Снижение цен в связи с завершением уборки хорошего урожая осенью 1925 г. (в РСФСР собрано 4 512,4 млн пудов по сравнению с 2 784,3 млн пудов в 1924 г.) оказалось незначительным¹⁵.

Весной 1925 г. на 40 % был снижен сельскохозяйственный налог (на 100 млн руб.), крестьянам заранее была объявлена твердая ставка налога. С 1925 г. увеличилось государственное ассигнование на сельское хозяйство. В заключении Наркомфина СССР от 17 июля 1925 г. отмечалось, что сельское хозяйство в этом году «именинник», поскольку «все постановления высших органов» при рассмотрении вопросов сельского хозяйства «указывают на необходимость увеличения ассигнований на сельское хозяйство»¹⁶. Утвержденная советским правительством в бюджете на 1925/1926 г. статья расходов на сельское хозяйство (310 млн руб.) в 1,8 раза превышала показатель 1924/1925 г. (170,3 млн руб.)¹⁷.

Для организации «дешевого кредита для крестьянства» было увеличено финансирование созданного с этой целью в феврале 1924 г. Центрального сельскохозяйственного банка. На 14 декабря 1925 г. его основной капитал составил 45 млн руб.¹⁸

Летом 1925 г. в соответствии с решениями III съезда Советов СССР, указавшего на необходимость проведения «планомерных мероприятий по восстановлению и развитию сельского хозяйства в засушливых районах», были приняты меры по борьбе с засухой¹⁹. 3 июля 1925 г. постановлением ЦИК и СНК СССР был создан фонд борьбы с засухой в размере 77 млн руб., которые следовало реализовать на эти цели в течение 3 лет²⁰. В реальности за период с 1925 по 1927 г. на борьбу с засухой было израсходовано 42,2 млн руб. В 1925 г. на ликвидацию последствий недорода и голода Советское правительство выделило 108 млн руб. без учета тех средств, которые направлялись из местных источников, что позволило не допустить разрастания голода до масштабов 1921–1922 гг.²¹

Учитывая недовольство крестьян дороговизной землеустроительных работ, 19 августа 1925 г. решением СТО Наркомземам союзных республик был выделен чрезвычайный кредит в размере 3 млн руб. «на землеустройство беднейших крестьян»²².

В 1925 г. Советское правительство приняло меры по усилению механизации сельского хозяйства страны. В частности, принятое 5 августа 1925 г. постановление СТО СССР «О поставке тракторов для сельскохозяйственных надобностей» признавало необходимым принять меры к возможно большему распространению тракторов между «трудовыми слоями населения» в целях пополнения недостающей тягловой силы и улучшения способов обработки земли. Ввиду значительной разницы между ценами тракторов внутреннего и внешнего производ-

¹³ Шишкин В.А. Власть. Политика. Экономика... С. 340.

¹⁴ Правда. 1925. 24 апр.

¹⁵ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 7733. Оп. 3. Д. 889. Л. 64; СУ РСФСР. 1924. № 82. Ст. 825–827. С. 790.

¹⁶ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 10. Д. 333. Л. 16 об.

¹⁷ Там же. Д. 500. Л. 118.

¹⁸ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 3. Д. 473. Л. 11.

¹⁹ Ильин С.С. Государственное экономическое регулирование аграрной сферы АПК России: история: теория и практика. М., 2009. С. 127.

²⁰ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 3. Д. 468. Л. 113.

²¹ СССР. Год работы правительства. Материалы к отчету за 1924–1925 бюджетный год. М., 1926. С. 254.

²² РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 10. Д. 332. Л. 15.

ства устанавливались твердые продажные цены на все тракторы независимо от их производства. При этом учреждались льготы на приобретение «трудовым населением» необходимых ему тракторов: рассрочка платежа за приобретаемые им тракторы и т.п. Оплата тракторов заграничного производства распределялась на срок до 2 урожаев, а тракторов внутреннего производства – на срок до 3 урожаев²³. Размеры государственного кредита на приобретение крестьянскими хозяйствами техники с 1923 по 1925 г. увеличились почти в 15 раз (с 3,5 млн руб. до 52 млн руб.)²⁴. В 1925/1926 г. государственные расходы на импорт сельскохозяйственных машин превысили довоенный уровень²⁵. В рассматриваемый период широкое распространение получила сеть государственных прокатных пунктов сельскохозяйственной техники.

Оценка итогов кредитования аграрного сектора экономики СССР в рассматриваемый период дана в статье Н.Д. Кондратьева «Современное состояние народно-хозяйственной конъюнктуры в свете взаимоотношений индустрии и сельского хозяйства», опубликованной в марте 1926 г. в сборнике статей Института финансово-экономических исследований при Наркомате финансов СССР. Н.Д. Кондратьев писал: «Кредитная экспансия имела достаточно мощное устремление в сельское хозяйство. Широкая заготовительная кампания опиралась на столь же широкое ее кредитование. На 1 октября 1925 г. размер активных операций Госбанка по финансированию хлебозаготовительной кампании достиг 256,7 млн руб. против 65,7 на 1 октября 1924 г., т.е. увеличение составляет 283,5 %. Мы не говорим здесь о других источниках кредитования сельского хозяйства через сельскохозяйственный банк, кооперацию и т.д. В общем, к деревне был предъявлен огромный денежный спрос на ее продукты. Деревня давала довольно много товаров. Мы видим, что заготовки этого года значительно превзошли заготовки прошлого года, но они дали меньше товаров, чем ожидалось, меньше, чем предполагалось по размерам кредитования. В результате превышение спроса над предложением обозначилось и на сельскохозяйственном рынке. Почему это произошло? Хотя в прошлом году деревня имела плохой урожай зерновых, но она имела высокие хлебные цены, которые по ценности компенсировали снижение урожая. Если урожай 1924–25 г. оказался ниже урожая предыдущего года на 9,8 %, то хлебные цены в 1924–25 г. были выше цен предыдущего года на 40–50 %. Кроме того, деревня имела сравнительно хорошую продукцию других отраслей сельского хозяйства, которую она продала также по сравнительно высоким ценам»²⁶.

Таким образом, свидетельство выдающегося российского экономиста Н.Д. Кондратьева – важный аргумент в пользу имевшегося потенциала нэпа при условии как минимум сохранения проводимой политики государственного кредитования сельского хозяйства СССР.

1 сентября 1925 г. Президиум Госплана СССР утвердил перспективный план развития сельского и лесного хозяйства РСФСР на 1923/1924–1927/1928 гг., который предусматривал «развитие производительных сил, выражающееся в росте продукции сельского хозяйства и его товарности, усиление процессов индустриализации и интенсификацию сельского хозяйства, подведение технической базы под сельскохозяйственное производство, повышение производительности аграрного труда, рост накопления и кооперации всех видов» и т.д.²⁷ Перспективные планы развития сельского хозяйства на 1925/1926–1929/1930 гг. были составлены в УССР и БССР, а также для Центрально-Черноземного района, наиболее подверженного недородам²⁸. В управлениях Наркомзема разрабатывались перспективные отраслевые планы (пятилетний план государственного семеноводства, перспективный план по снабжению минеральными удобрениями, развитию льноводства и коноплеводства, тонкорунного и полугрубошерстного овцеводства, птицеводства и т.д.)²⁹.

²³ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 3. Д. 473. Л. 137.

²⁴ Данилов В.П. Создание материально-технических предпосылок коллективизации сельского хозяйства в СССР. М., 1957. С. 137.

²⁵ История советского крестьянства... Т. 1. С. 274.

²⁶ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 4. Д. 1090. Л. 101–102.

²⁷ Отчет Народного Комиссариата Земледелия РСФСР за 1924–25 г. М., 1926. С. 42–43.

²⁸ СЗ СССР. 1925. № 35. Ст. 248; СССР. Год работы правительства. Материалы к отчету за 1924–1925 бюджетный год. М., 1926. С. 233–234.

²⁹ Ильин С.С. Государственное экономическое регулирование... С. 125.

В соответствии с новым курсом были внесены коррективы в земельное законодательство, которые предоставляли большую хозяйственную свободу предприимчивым крестьянам. Так, апрельский (1925 г.) пленум ЦК ВКП(б) принял решение: «Не ставить административных преград для выделения на отруба и хутора, строго соблюдая право свободы выбора форм землепользования согласно Земельному кодексу»³⁰. Законодательно решение пленума было закреплено III Всесоюзным съездом Советов (20 мая 1925 г.), и в постановлении СНК РСФСР «О мерах по улучшению землеустройства» от 9 октября 1925 г. земельным органам предлагалось «направить все усилия непосредственно на улучшение подворно-хозяйственного пользования землей». Приоритетное внимание следовало уделять преодолению чересполосицы, в том числе за счет выделения отрубов³¹.

На сокращение практики уравнивания общинных земель и предупреждение нецелесообразного дробления крестьянских хозяйств был направлен циркуляр Наркомзема от 21 мая 1925 г. «О недопущении частых переделов, противоречащих Земельному кодексу»³².

В соответствии с решениями III съезда Советов СССР, циркуляра Наркомзема РСФСР от 21 мая 1925 г. и утвержденных СНК СССР 18 апреля 1925 г. «Временных правил об условиях применения подсобного наемного труда в крестьянских хозяйствах» трудовая аренда земли увеличивалась с 3 до 12 лет, в случае использования труда батраков она сохранялась при условии выполнения арендатором подписанного с батраками трудового договора о 8-часовом рабочем дне, выходных днях, заработной плате³³.

Осуществление большевистской партией «нового курса» по отношению к крестьянству позитивно сказалось на развитии сельскохозяйственного производства и улучшило социально-политическую обстановку в деревне. Этому способствовали мероприятия по так называемому «оживлению» советов.

Линия партии на оживление деятельности сельских советов начала реализовываться на практике в январе–феврале 1925 г., когда были проведены перевыборы сельских советов. Данная линия преследовала цель поднять авторитет большевистской партии и советской власти в целом в деревне. Для руководства партии был очевиден низкий авторитет сельских советов в глазах подавляющей массы крестьян, показателем которого стали факты массового абсентеизма сельских избирателей во время выборов в советы осенью 1924 г.: в РСФСР в 70 % уездов, где прошли выборы, на избирательные участки явилось чуть больше одной трети избирателей, были селения, в которых на выборы не явился никто³⁴.

На эту тему характерны высказывания лидеров большевистской партии. И.В. Сталин в статье в «Правде» от 25 июня 1925 г. констатировал: «До сего времени дело обстоит так, что в целом ряде районов выборы Советов в деревне представляли не действительные выборы, а пустую канцелярскую процедуру протаскивания “депутатов” путем целого ряда ухищрений и нажима со стороны узкой группы правителей, боящихся потерять власть»³⁵.

В.М. Молотов при обсуждении обстоятельств «дымовского дела» заявлял, что сельские советы «не удовлетворяют крестьян, они от них отказываются и заменяют другим не советским аппаратом», «советы в деревне занимаются пустяками, а основной работой занимаются не советы, а специально выбираемые уполномоченные от крестьян»³⁶.

В последнем случае речь шла об общине, которая оставалась реальным «хозяином» в деревне при действующей сельской советской власти. О силе и авторитете общины заключал С.Н. Прокопович на основе анализа материалов советских газет. Он писал: «То место, которое предназначалось сельским Советам, оказалось фактически занятым возродившимися из пепла (а может быть, никогда не умиравшими) сельскими сходами. Вокруг этих сельских

³⁰ КПСС в резолюциях... Т. 3. С. 345.

³¹ Известия. 1925. 31 окт.; СЗ СССР. 1925. № 35. Ст. 248.

³² *Рогалина Н.Л.* Власть и аграрные реформы в России XX века. М., 2010. С. 64.

³³ СЗ СССР. 1925. № 26. Ст. 189; Съезды Советов в документах. 1917–1936. М., 1959. Т. 1. С. 169.

³⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 866. Л. 16.

³⁵ Правда. 1925. 25 июня.

³⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 866. Л. 14.

сходов, а не сельских Советов, течет, как оказывается, жизнь русской деревни. При этом, как отмечается в советской печати, активность сходов растет»³⁷.

По замыслам большевистского руководства, «оживление» советов должно было иметь успех, поскольку осенью 1924 г. был повышен статус данного органа власти в деревне. Положением ВЦИК от 16 октября 1924 г. и другими законодательными актами были значительно расширены полномочия уездных, волостных и сельских советов. Они получили право иметь свои бюджеты, производить денежные займы, заключать договоры на подряды и поставки, предъявлять судебные иски и отвечать по суду. Их важнейшие задачи состояли в содействии развитию сельского хозяйства, осуществлению агромероприятий, организации кооперативов и колхозов. Для поддержки наиболее слабых крестьянских хозяйств волостной исполнительный комитет имел право распределять семенные ссуды, выдавать в кредит сельхозинвентарь и т.п.³⁸ Все это позволяло усилить советы в деревне и одновременно ослабить позиции общины.

29 декабря 1924 г. Президиум ЦИК СССР постановил отменить результаты прежних выборов в сельские советы и провести повторные перевыборы там, где голосовало менее 35 % избирателей, или в случае жалоб граждан на незаконные действия органов, руководивших выборами³⁹. В январе 1925 г. под руководством М.И. Калинина было проведено совещание с местными работниками по советскому строительству. Параллельно ЦК создал особую комиссию по этому вопросу. Была утверждена новая инструкция о перевыборах в советы. Категорически запрещалось предлагать на избирательных собраниях списки кандидатов в советы, на избирательные комиссии возлагалась обязанность наблюдать за тем, чтобы на избирателей не оказывалось давление. Перевыборы советов выделялись их организаторами как «чистка» низового соаппарата, ячеек партии и комсомола от лиц, скомпрометировавших себя пьянством, «якшаньем с кулаками» и т.д.⁴⁰

В январе–феврале 1925 г. состоялась новая избирательная кампания в сельские советы в 39 губерниях. В ней приняли участие 44,7 % избирателей⁴¹. Ее результаты оказались неожиданными для власти. В новых советах оказалось меньше коммунистов и комсомольцев. По сравнению с прежним составом сельсоветов, процент коммунистов уменьшился с 7,1 до 3,6 %, а комсомольцев – с 4,2 до 2,33 %⁴². На Северном Кавказе образовались сотни сельсоветов, в которых почти не было коммунистов. Социальный состав сельсоветов после повторных выборов изменился в пользу середняков (возрос с 30–40 до 70–75 %). В сообщениях с мест партийных органов констатировалось, что партийцы, участвовавшие в Гражданской войне, «без жалости выбрасываются за борт», коммунисты оценивают новую политику «как курс на кулака» и «отстранение партии от руководства советами»⁴³. Настроения значительной части сельского актива и бедноты, проигравших выборы, охарактеризованы в датированных мартом 1925 г. документах Кубанского окружкома ВКП(б). В одном из них приводился следующий отрывок из выступления на собрании бедноты красноармейца: «дайте приказ убить по 20 человек казаков-кулаков на одного красноармейца, и мы в одну ночь перережем всех этих контрреволюционеров, а если не будет этого приказа, мы их все равно понемножку перережем, вот только придет лето»⁴⁴. Работники Курского уездного комитета РКП(б) заявляли, что «позиция ЦК в отношении “свободных” выборов и вовлечения беспартийных неправильна, т.к. выполняя директиву ЦК, мы не удержим за собой руководство в Советах»⁴⁵. Похожие мысли высказал член райкома партии в Енисейской

³⁷ Цит. по: Кабанов В.В. Крестьянская община и кооперация в России XX века. М., 1997. С. 98.

³⁸ СУ РСФСР. 1924. № 82. Ст. 825–827.

³⁹ СЗ СССР. 1925. № 1. Ст. 3.

⁴⁰ Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). Т. 3. Ч. 1. М., 2002. С. 126.

⁴¹ Избирательная кампания в Советы РСФСР в 1924–1925 гг. Вып. 2. М., 1925. С. 9, 23, 34, 36.

⁴² Сельсоветы и волисполкомы. М.; Л., 1925. С. 49; Голанд Ю.М. Кризисы, разрушившие НЭП. М., 1991. С. 6.

⁴³ На аграрном фронте. 1925. № 5–6. С. 200.

⁴⁴ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р.-393. Оп. 1а. Д. 95. Л. 223–223 об.

⁴⁵ На аграрном фронте. 1925. № 5–6. С. 198; Сельсоветы и волисполкомы... С. 19; Голанд Ю.М. Кризисы, разрушившие НЭП... С. 6.

губернии: «Почему нужно сдавать позиции? Это не большевистский подход к работе. Не для того мы все завоевали, чтобы сдавать беспартийным»⁴⁶. В обзоре политического состояния СССР за апрель 1925 г. ОГПУ, содержащим информацию об отношении сельского населения «к повороту “лицом к деревне”», говорилось: «Кулачество повсюду оценивает этот поворот как уступку Советской власти», «власть переходит к зажиточным», «настроение закабаленной бедноты подавленное»⁴⁷.

Совершенно другими были настроения основной массы крестьян, для которых выборы означали победу и еще большее укрепление позиций общины в деревне. Данный факт зафиксирован в документах, относящихся к более позднему периоду (второй половины 1920-х гг. и коллективизации). В 1926 г. заместитель наркома внутренних дел М.Ф. Болдырев отмечал, что «последний 1924 г. и большая часть 1925 г.» являлись «временем действительного, реального оформления и осуществления принципа местного самоуправления»⁴⁸. М. Резунов (вероятно, инструктор ВЦИК или ЦИК) указывал: «В 1925 г. отмечалось почти полное поглощение сельсовета сходом»⁴⁹. В марте 1930 г. в Козловском округе ЦЧО крестьянские выступления на почве недовольства коллективизацией проходили под лозунгом: «Да здравствует Советская власть 1925-го года»⁵⁰. В этом же году в Средне-Волжском крае земельные общества весной 1930 г. «захватным порядком присвоили такие права», «которые имели место в 1924–25 г.»⁵¹.

Осенью 1925 г. была предпринята еще одна попытка «оживления советов» путем организации новых перевыборов сельсоветов. При этом ставка делалась на бедноту как главную опору советской власти в деревне. Ставилась цель вырвать ее из-под влияния кулака при поддержке середняков, кооперации и крестьянских комитетов взаимопомощи, выдвинув своих кандидатов на перевыборах советов. На это нацеливали решения октябрьского (1925 г.) пленума ЦК ВКП(б) «О работе партии среди деревенской бедноты»⁵². В помощь бедноте на выборах мобилизовывался комсомол, привлекались женские организации и крестьянские комитеты взаимопомощи⁵³.

Ноябрьские выборы прошли при низкой явке избирателей, не желавших переизбирать избранные в начале 1925 г. советы. В некоторых деревнях население целиком отказывалось являться на собрания, заявляя: «Кого хотите, того и выбирайте». В с. Большой Полянке Воронежской губернии, чтобы созвать крестьян на перевыборы, в течение пяти часов звонили в колокол, но на собрание никто не явился. Но и в этой ситуации результаты оказались неутешительными для власти: как и раньше, в советы прошли ставленники кулаков («бывшие урядники», «служащие полиции» и т.п.), о чем указывалось, например, в сводке информотдела ОГПУ «О ходе перевыборов советов на 18 ноября 1925 г.»⁵⁴.

Наряду с успехами в перевыборных кампаниях в сельсоветы, в 1925 г. показателем укрепления позиций общины в деревне и возросшей политической активности крестьян стало движение за создание крестьянского союза. В 1925 г. ОГПУ установило уже 543 факта «агитации за крестьянский союз» в сельских районах страны – почти в 4 раза больше, чем в 1924 г.⁵⁵ При этом во многих случаях данную идею поддерживали местные коммунисты и сельские активисты (комсомольцы, советские работники и т.д.)⁵⁶. В Полтавской губернии возникла идея создания крестьянского союза по образцу американских фермерских союзов. В Иркутской губернии крестьяне предлагали организацию крестьянского союза «во всерос-

⁴⁶ На аграрном фронте. 1925. № 5–6. С. 198.

⁴⁷ Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину... Т. 3. Ч. 1. М., 2002. С. 233.

⁴⁸ Болдырев М.Ф. Оживление советов. М.; Л., 1926. С. 17.

⁴⁹ Резунов М. Сельские советы и земельные общества. М., 1928. С. 49.

⁵⁰ Ляпина Т.А. Начало раскулачивания на Тамбовщине // Общественно-политическая жизнь Российской провинции. XX век. Тамбов, 1993. С. 77.

⁵¹ О политическом положении в деревне и ходе сева. Самара, 1930. С. 27–28.

⁵² КПСС в резолюциях... Т. 3. С. 415.

⁵³ История советского крестьянства... Т. 1. С. 310–315.

⁵⁴ Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. Т. 2. М., 2000. С. 78–393.

⁵⁵ Кукушкин Ю.С. Сельские советы и классовая борьба в деревне, 1921–1923. М., 1968. С. 90.

⁵⁶ Советская деревня глазами... Т. 2. С. 170.

сийском масштабе» с целью «давления на соввласть». Факты «агитации» за «крестьянский союз» в 1923–1925 гг. были отмечены ОГПУ в Московской, Калужской, Ярославской, Смоленской, Гомельской, Тамбовской, Саратовской, Симбирской, Новониколаевской, Томской, Иркутской губерниях, а также в Черкесско-Адыгейской и Уральской областях и Автономной Карельской ССР⁵⁷.

Если подытожить результаты политики «оживления» советов, то можно констатировать, что в 1925 г. борьба за советы между коммунистической партией и крестьянской общиной не завершилась, и в целом политика «оживления советов» не привела к нужному для большевистского руководства результату.

Политика «лицом к деревне», как и вся новая экономическая политика первой половины 1920-х гг., обеспечила восстановление сельского хозяйства страны, подорванного Гражданской войной, с точки зрения валовых показателей сельскохозяйственного производства в сравнении с дореволюционным уровнем⁵⁸. Но нэп не решил проблемы восстановления и увеличения товарности сельского хозяйства страны. Она заметно уступала уровню дореволюционного периода. В частности, в 1926/1927 г. товарная продукция зернового хозяйства СССР составила 13,3 % по сравнению с 26 % в 1913 г.⁵⁹ Хлебный экспорт СССР в 1923–1925 гг. по количественным показателям в 4 раза уступал довоенному экспорту (до войны вывозилось почти 10 млн т зерновых хлебов)⁶⁰. Его доля в мировом хлебном экспорте не превышала 8 % по сравнению с 27 % хлебного экспорта России в 1909–1913 гг.⁶¹ Низкая товарность зернового производства в СССР в первой половине 1920-х гг. объяснялась тем, что в «обедняченной» в результате революционных потрясений, Гражданской войны и политики «военного коммунизма» деревне основная масса выращенного хлеба шла на личное потребление. Кроме того, в отличие от дореволюционной ситуации, в аграрном секторе экономики страны отсутствовали крупные товаропроизводители – помещики, а нэповские кулацкие хозяйства уступали по мощности столыпинским кулакам. Поэтому именно хлебозаготовки становились главной причиной кризиса нэпа и его постепенного свертывания.

Осенью 1925 г. стали нарастать хозяйственные трудности. Не выполнялся план хлебозаготовок, который предполагалось реализовать до 1 января 1926 г. Такая поспешность была вызвана стремлением экспортировать в Европу зерновые культуры до того, как там появится более дешевый хлеб из Северной Америки и Аргентины. Также следовало не допустить сильного падения хлебных цен осенью, когда его обычно продавали середняки и бедняки. Это привело бы к новому кризису сбыта промышленных товаров и снизило бы темпы подъема сельского хозяйства в целом. Форсирование экспорта позволяло увеличить спрос и тем самым задержать падение цен. Наличие в руках государства значительного хлебного фонда дало бы возможность сократить спрос весной и тем самым затормозить рост цен.

Но в августе–сентябре 1925 г. начались серьезные затруднения в хлебозаготовках. Отрицательную роль сыграли обильные дожди, охватившие с конца июля до начала сентября основные производящие районы. К этому времени уже были заключены договора на экспорт больших партий зерна, в портах стояли зафрахтованные пароходы, ожидающие хлеб. Сложилась ситуация, прямо противоположная той, которую планировали в начале кампании: не малоимущие слои продавали хлеб по низким ценам, а зажиточные – по высоким. Рост цен мог привести к нерентабельности хлебного экспорта, тем более что на мировом рынке началось падение цен. Чтобы не допустить этого, в конце сентября – начале октября 1925 г. были директивно снижены заготовительные цены (на 10–15 %, а по отдельным районам еще больше – например, по Украине заготовительные цены на ячмень упали на 25 %). Для предотвращения массовой скупки хлеба у кулаков и зажиточных крестьян «внеплановыми заготовителями» (частниками и другими организациями) 9 ноября 1925 г. Совет Труда и

⁵⁷ Советская деревня глазами... Т. 2. С. 192–193, 196, 265.

⁵⁸ Маркевич А., Харрисон М. Первая мировая война, Гражданская война и восстановление: национальный доход России в 1913–1928 гг. М., 2013. С. 83–84.

⁵⁹ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 6971. Л. 196.

⁶⁰ История советского крестьянства... Т. 1. С. 283.

⁶¹ Конъюнктура народного хозяйства СССР и мирового в 1924–1925 гг. М., 1925. С. 41.

Обороны принял постановление о введении на железных дорогах экономического регулирования: грузы частных отправителей относились в так называемую 5-ю категорию, чем ограничивалась или вовсе устранялась возможность для частных хлеботорговцев получать вагоны и отправлять хлеб⁶². При нехватке вагонов и паровозов это привело к фактическому устранению от заготовок крупных частных заготовителей.

Реакцией крестьян на указанные меры стало сокращение продажи хлеба государству. В результате итоги второго квартала хлебозаготовительной кампании оказались весьма плачевными. Вместо 376 млн пудов по первоначальному плану было заготовлено 176 млн пудов. План концентрации в портах хлеба для экспорта был выполнен всего на одну четверть. Выполнить годовой план хлебозаготовок в 780 млн пудов было уже невозможно, и 10 декабря 1925 г. был принят новый план – 600 млн пудов. Одновременно был снижен план хлебного экспорта (с 350 до 195 млн пудов, а в феврале 1926 г. – еще до 143 млн пудов)⁶³.

Нежелание продавать государству хлеб по сниженным ценам, результаты «оживления» советов (ослабление позиции коммунистов советов), движение крестьян за крестьянский союз и другие подобные факты были расценены большевистским руководством как «кулацкая опасность». О ее существовании и необходимости борьбы с ней было открыто заявлено в декабре 1925 г. на XIV съезде ВКП(б). Было сказано о «росте кулачества» и «различных форм эксплуатации им трудового крестьянства», о том, что «кулацкий слой пытается вести и очень часто ведет середняка за собой»⁶⁴. Поэтому необходимо было дать решительный «отпор кулачеству», ограничить его «эксплуататорские стремления», организовывать и сплотить с этой целью бедноту и батрачество, «добиваться действительного проведения в жизнь законов, охраняющих интересы беднейших слоев деревни, и предоставленных им по этим законам льгот»⁶⁵. В этой связи, как справедливо писал Б.Д. Бруцкус, с конца 1925 г. «либеральные тенденции в хозяйственной политике» столкнулись с «коммунистической реакцией, которая в конце 1926 г. полностью взяла вверх»⁶⁶.

Таким образом, период разработки и осуществления «нового курса» партии «лицом к деревне» оказался весьма кратковременным. Большая часть принятых в этот период решений в дальнейшем в связи с кризисом хлебозаготовок была пересмотрена или не доведена до конца на практике.

Каков же опыт политики «лицом к деревне» в контексте дискуссии о потенциале нэпа? Данная политика оказалась эффективной как средство восстановления и развития сельского хозяйства страны на основе индивидуальных крестьянских хозяйств. Нэповская крестьянская экономика могла и дальше существовать и развиваться, наращивая объемы сельскохозяйственного производства. Но ее низкая товарность, ограничивающая масштабы хлебного экспорта при восстановлении дореволюционного уровня валовых сборов зерновых хлебов, нежелание крестьян продавать хлеб на невыгодных для них условиях создавали проблемы для ускоренной индустриализации страны, провозглашенной советской властью. Кроме того, в политическом отношении дальнейшее «оживление советов» в деревне ставило под угрозу монополию на власть Коммунистической партии. И нэп был сломан властью, как только возникла опасность в виде крестьянского противодействия, торможения взятых темпов индустриализации страны в ходе хлебозаготовительных кампаний 1927–1929 гг. Данный факт хорошо известен в историографии и не подлежит сомнению.

Тем не менее, на наш взгляд, остается открытым вопрос: как бы повели себя крестьяне в хозяйственном отношении в 1926 и последующих годах, если бы им дали больше денег, а власть «сбавила бы обороты» по части темпов индустриализации, не прекращая ее в принципе? Если бы были отрегулированы цены («ножницы цен») и сталинское руководство

⁶² Ильиных В.А. Коммерция на хлебном фронте (Государственное регулирование хлебного рынка в условиях нэпа. 1921–1927 гг.). Новосибирск, 1992. С. 117.

⁶³ Россия нэповская. М., 2002. С. 225.

⁶⁴ XIV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). 18–31 декабря 1925 г.: стенографический отчет. М.; Л., 1926. С. 407.

⁶⁵ КПСС в резолюциях... Т. 3. С. 413, 416.

⁶⁶ Бруцкус Б.Д. Советская Россия. СПб., 1995. С. 30, 188.

не пошло бы на поводу у искаженной статистики, обосновавшей в угоду ему огромные крестьянские запасы товарного хлеба, которых в действительности не было? Ведь именно на основании этого мифа была устроена «чрезвычайщина» во время кризиса хлебозаготовок: у кулака есть хлеб, и его нужно забрать силой⁶⁷. Но хлеба не было в том количестве, о котором заявлялось «прогнута властью» статистикой.

В этом смысле потенциал нэпа – это потенциал передовых крестьянских хозяйств, который, на наш взгляд, еще не изучен в должной мере. Необходимо проследить «цепочку» государственного финансирования крестьянских хозяйств в годы нэпа. Если бы финансирование наращивалось, то каков бы мог быть результат развития крестьянских семейно-трудовых хозяйств? Как бы развивались крестьянские хозяйства, если бы становилось больше передовых хозяйств при условии другой государственной политики выхода из кризиса хлебозаготовок – не на основе «чрезвычайщины», а с помощью мер преодоления данного кризиса, более «мягких» по форме? На эту тему стоит подумать.

Литература

- Болдырев М.Ф.* Оживление советов. М.; Л.: Гос. изд-во, 1926. 46 с.
- Бруцкус Б.Д.* Советская Россия. СПб.: Звезда, 1995. 229 с.
- Венер М.* Лицом к деревне: советская власть и крестьянский вопрос (1924–1925 гг.) // Отечественная история. 1993. № 5. С. 87–88.
- Голанд Ю.М.* Кризисы, разрушившие НЭП. М.: МНИИПУ, 1991. 94 с.
- Данилов В.П.* Создание материально-технических предпосылок коллективизации сельского хозяйства в СССР. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1957. 451 с.
- Данилов В.П.* К вопросу о понимании нэпа // НЭП: экономические, политические и социокультурные аспекты. М.: РОССПЭН, 2006. С. 26–32.
- Ильин С.С.* Государственное экономическое регулирование аграрной сферы АПК России: история, теория и практика. М.: Социум, 2009. 599 с.
- Ильиных В.А.* Коммерция на хлебном фронте (Государственное регулирование хлебного рынка в условиях нэпа. 1921–1927 гг.). Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1992. 224 с.
- Ильиных В.А.* «Лицом к деревне». Аграрная политика советского государства в середине 1920-х годов // Российские экономические реформы в региональном измерении: сб. материалов Всерос. науч. конф., посвящ. столетию начала НЭПа. Новосибирск: Параллель, 2021. С. 275–282.
- История советского крестьянства: в 5 т. Т. 1: Крестьянство в первое десятилетие Советской власти. 1917–1927. М.: Наука, 1986. 455 с.
- Кабанов В.В.* Крестьянская община и кооперация в России XX века. М.: ИРИ, 1997. 155 с.
- Капустян А.Т.* «Дымовское дело»: мнимое и реальное // Вопросы истории. 1990. № 7. С. 186–188.
- Круглый стол «НЭП – итоги и перспективы изучения» // Гуманитарные науки в Сибири. 2021. Т. 28, № 4. С. 5–17.
- Кукушкин Ю.С.* Сельские советы и классовая борьба в деревне, 1921–1923. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1968. 294 с.
- Ляпина Т.А.* Начало раскулачивания на Тамбовщине: теория и практика (1929–1930 гг.) // Общественно-политическая жизнь Российской провинции. XX век. Тезисы докладов межвузовской науч. конф. Тамбов: ТИХМ, 1993. С. 75–78.
- Маркевич А., Харрисон М.* Первая мировая война, Гражданская война и восстановление: национальный доход России в 1913–1928 гг. М.: Мысль, 2013. 111 с.
- Резунов М.* Сельские советы и земельные общества. М.: Изд-во Коммунист. акад., 1928. 77 с.
- Рогалина Н.Л.* Власть и аграрные реформы в России XX века. М.: Энциклопедия российских деревень, 2010. 230 с.

⁶⁷ *Данилов В.П.* К вопросу о понимании нэпа // НЭП: экономические, политические и социокультурные аспекты. М.: РОССПЭН, 2006. С. 30.

- Россия нэповская / С.А. Павлюченков и др. М.: Новый хронограф, 2002. 468 с.
- «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). Т. 3. Ч. 1. М.: Институт российской истории РАН, 2002. 502 с.
- Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. Т. 2. М.: РОССПЭН, 2000. 1168 с.
- Сталин И.В. Об очередных задачах партии в деревне. Недостатки докладов с мест. Речь на совещании секретарей деревенских ячеек при ЦК РКП(б) 22 октября 1924 г. // Сочинения. Т. 6. М., 1947. С. 308–309.
- Шишкин В.А. Власть. Политика. Экономика. Послереволюционная Россия. СПб.: Дмитрий Булавин, 1997. 399 с.

References

- Berelovich, A., Danilov, V. (Eds.). (2000). *Sovetskaya derevnya glazami VCHK–OGPU–NKVD. T. 2* [Soviet Village Through the Eyes of Cheka-OGPU-NKVD. Vol. 2]. Moscow, ROSSPEN. 1168 p.
- Boldyrev, M.F. (1946). *Ozhivlenie sovetov* [The Revival of Soviets]. Moscow, Leningrad, Gos. izd-vo. 46 p.
- Brutskus, B.D. (1995). *Sovetskaya Rossiya* [Soviet Russia]. St. Petersburg, Zvezda. 229 p.
- Danilov, V.P. (1957). *Sozdanie material'no-tekhnicheskikh predposylok kollektivizatsii sel'skogo khozyaystva v SSSR* [Creation of Material and Technical Prerequisites for Agricultural Collectivization in USSR]. Moscow, Izd-vo Akad. nauk SSSR. 451 p.
- Danilov, V.P. (2006). K voprosu o ponimanii nepa [To the Question of Understanding NEP]. In *NEP: ekonomicheskie, politicheskie i sotsiokul'turnye aspekty*. Moscow, pp. 26–32.
- Goland, Yu. (1991). *Krizisy, razrushivshie NEP* [Crises that Destroyed the NEP]. Moscow, MNIIPU. 94 p.
- Ilyin, S.S. (2009). *Gosudarstvennoe ekonomicheskoe regulirovanie agrarnoy sfery APK Rossii: istoriya, teoriya i praktika* [State Economic Regulation of Agrarian Sector of Russian Agro-Industrial Complex: History, Theory and Practice]. Moscow, Sotsiom. 599 p.
- Ilinykh, V.A. (1992). *Kommertsiya na hlebnom fronte (Gosudarstvennoe regulirovanie hlebnogo rynka v usloviyah nepa. 1921–1927 gg.)* [Commerce on the Grain Front (State Regulation of Grain Market under the NEP. 1921–1927)]. Novosibirsk, Nauka, Sib. otd-nie. 224 p.
- Ilinykh, V.A. (2021). “Litsom k derevne”. Agrarnaya politika sovetskogo gosudarstva v sere-dine 1920-kh godov [“Facing the Village”. Agrarian Policy of the Soviet State in the mid-1920-s]. In *Rossiyskie ekonomicheskie reformy v regional'nom izmerenii: sbornik materialov Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii, posvyashchenny stoletiyu nachala NEPa*. Novosibirsk, pp. 275–282.
- Kabanov, V.V. (1997). *Krest'yanskaya obshchina i kooperatsiya v Rossii XX veka* [Peasant Community and Cooperation in Russia in XX century]. Moscow, IRI. 155 p.
- Kapustyan, A.T. (1990). “Dymovskoe delo”: mnimoe i real'noe [“Dymovskoe case”: Imaginary and Real]. In *Voprosy istorii*. No. 7, pp. 186–188.
- Kostrikin, V.I., Osipova, T.V., Sharapov, G.V. (Eds.). (1986). *Istoriya sovetskogo krest'yanstva. V 5 tomakh. T. 1. Krest'yanstvo v pervoe desyatiletie Sovetskoy vlasti. 1917–1927* [History of Soviet Peasantry. In 5 Vol. Vol. 1. Peasantry in the First Decade of Soviet Power. 1917–1927]. Moscow, Nauka. 455 p.
- Kukushkin, Yu.S. (1968). *Sel'skie sovery i klassovaya bor'ba v derevne, 1921–1923* [Rural Soviets and Class Struggle in Rural Regions, 1921–1923]. Moscow, Izd-vo Mosk. un-ta. 294 p.
- Lyapina, T.A. (1993). *Nachalo raskulachivaniya na Tambovshchine* [The Beginning of Dispossession in Tambov Region]. In *Obshchestvenno-politicheskaya zhizn' Rossiyskoy provintsii. XX vek*. Tambov, pp. 75–78.
- Markevich, A., Harrison, M. (2013). *Pervaya mirovaya vojna, Grazhdanskaya vojna i vosstanovlenie: natsional'nyy dokhod Rossii v 1913–1928 gg.* [World War I, Civil War and Reconstruction: Russia's National Income in 1913–1928]. Moscow, Mysl'. 111 p.
- Pavlyuchenkov, S.A. et al. (2002). *Rossiya nepovskaya* [Russia During the NEP]. Moscow, Novyy hronograf. 468 p.

Rezunov, M. (1928). *Sel'skie sovery i zemel'nye obshchestva* [Rural Soviets and Land Societies]. Moscow, Izd-vo Kommun. akad. 77 p.

Rogalina, N.L. (2010). *Vlast' i agrarnye reformy v Rossii 20 veka* [Authorities and Agrarian Reforms in Russia in 20th Century]. Moscow, Entsiklopediya rossiyskikh dereven'. 230 p.

Rynkov, V.M., Ilinykh, V.A., Kondrashin, V.V. et al. (2021). Kruglyy stol "NEP – itogi i perspektivy izucheniya" [Round table "NEP – Results and Prospects of Study"]. In *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. Vol. 28, No. 4, pp. 5–17.

Saharov, A.N., Hristoforov, V.S. (Eds.). (2002). "Sovershenno sekretno": *Lubyanka – Stalinu o polozhenii v strane (1922–1934 gg.)*. T. 3. Ch. 1 ["Top Secret": Lubyanka to Stalin on Situation in the Country (1922–1934)]. Vol. 3. Part 1]. Moscow, Institut rossiyskoy istorii RAN. 502 p.

Shishkin, V.A. (1997). *Vlast'. Politika. Ekonomika. Poslerevolutsionnaya Rossiya* [Power. Politics. Economy. Post-Revolutionary Russia]. St. Petersburg, Dmitriy Bulavin. 399 p.

Stalin, I.V. (1947). Ob ocherednyh zadachah partii v derevne. Nedostatki докладов s mest. Rech' na soveschaniy sekretarey derevenskih yacheek pri CK RKP(b) 22 oktyabrya 1924 g. [On Immediate Tasks of Party in Countryside. Disadvantages of Reports from Regions. Speech at the Meeting of Secretaries of Village Cells under the Central Committee of the RCP(b) on October 22, 1924]. In *Sobranie sochineniy I.V. Stalina*. Vol. 6, pp. 308–309.

Vener, M. (1993). Litsom k derevne: sovetskaya vlast' i krest'yanskiy vopros [Facing the Village: Soviet Power and the Peasant Question (1924–1925)]. In *Otechestvennaya istoriya*. No. 5, pp. 87–88.